
В.В. Колесов

СУЖДЕНИЯ О КОНЦЕПТЕ ОБРАЗ

От редакции. Владимир Викторович Колесов является знатоком русского языка, специалистом по исторической грамматике, фонетике, лексикографии. Его перу принадлежит множество книг, включая такие, как «Мир человека в слове Древней Руси» (1986), «Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра» (1998), четырехтомник «Древняя Русь: Наследие в слове» (2000–2011), «Русская ментальность в языке и тексте» (2007), двухтомный «Словарь русской ментальности» (2014). Трудно найти более авторитетного и знающего ученого, который был бы способен столь тонко и всесторонне разъяснить нюансы меняющихся значений, смыслов и звучаний самых трудных для понимания русских слов. Не удивительно, что когда редакция взялась за подготовку выпуска об образе и образности, совет и мнение Владимира Викторовича оказались нам крайне необходимы. Он живо откликнулся и поделился с нами рукописными фрагментами своих сочинений, включая новый учебник. С его разрешения редакция с удовольствием знакомит наших читателей с материалами, попавшими к нам буквально с рабочего стола мастера. В этих материалах уже простроена логика, но они еще не закреплены и не сшиты научным аппаратом. Это совершенно особый, непривычный жанр – уже не черновые заметки, но еще не завершенный академический текст¹. Скорее всего, этот жанр можно назвать лабораторией мысли. Мысли об образе и образности.

Красота метафоры начинает сиять тогда,
когда кончается ее истинность.
Хосе Ортега-и-Гассет

Об образѣ отечественные мыслители рассуждают с XI в., и в каждую эпоху по-разному, по мере развития понимания от наглядного представления до ментального концепта. Глубины этого концепта неисчерпаемы, и в каждой области искусства, культуры и научного знания

¹ Текст приводится без библиографического описания источников. – Прим. ред.

представлены в собственном свете. Наша задача – описать современные представления о концепте в концептуальном плане.

Согласно общепринятым суждениям, концепт есть сложное идеальное образование из мира помысленного, материально предстающее в слове родного языка. Здесь мы не обсуждаем «концепт мебели» или «концепт театрального действия» – это вульгарная подмена термина *концепция* модным *концепт*. Речь пойдет о лингво-ментальном образовании, инкорпорированном в плоть словесного знака.

Обычно говорят о трехсоставности концептов, выделяя образные, понятийные и символические их составы; иногда последние именуются «ценностными компонентами» концепта. В действительности же все они совместно суть *конструктивные* составы концепта, которые представляют его *содержательные* формы. Современная когнитивистика подошла к пониманию глубинного, *ментального* состава концепта – «зерну первосмысла», которое задает ход развития содержательных форм на основе тропических усложнений. В последнее время настойчиво говорят о метафоре, но метафора как раз и обслуживает Образ. Обогащение содержательных форм четвертым составом давно подразумевалось русскими философами Серебряного века; С.Н. Булгаков утверждал: «Четверица – та же троица, только в движении», и источник такого движения проявляется в различных формальных средствах, какими бы они ни были – «внутренняя форма» слова, этимон или лингвистическая реконструкция компаративистов. Условно примем оформленность первосмысла в виде реконструкции пра-индоевропейского корня, по суждению Эмиля Бенвениста состоявшего из «трехбуквенных сочетаний» – одного гласного и двух согласных. Например, корень *rgb с долгим гласным б, в славянском произношении давший форму *pra (в значении ‘вперед’), передает первосмысл, сразу же получивший и форму его *первообраза* путем прибавления консонантного *распространителя* *ra-v.

Слитное единство «первосмысла» и «первообраза» как его воплощения мы и называем *концептумом* (от лат. conceptum – ‘зерно, зародыш’ концепта). Концептумы всегда сохраняют единство национального сознания, тогда как их источники, «первосмыслы» обслуживаются более широкий ареал родственных (индоевропейских) языков. Возникновение множества производных от корня *прав* – дело более поздних времен, последовательно и неотвратимо вычленявших исходный первосмысл корня (*правда, праведность, справедливость* и др. по мере развития сознания и потребностей общественной среды). Все производные *исходят* из концептума как своего *основания* («во всем есть свое основание» – Лейбниц).

Слово *образ* является метонимическим удвоением слов *об* и *раз* (*ob и *raz); *ob имело значение ‘вокруг, около’ (ср. с распространителем об-л-ый ‘круглый’), *raz ‘бить, удар (высеканием; слово общего корня с рѣз ‘вырезать’). Условный смысл этого образования был приблизительно таков: ‘удар высеканием вокруг (материала)’ – термин зодческого мастерства.

С самого начала общий первообраз был составлен из двух первосмыслов. Это и обеспечило сложную историю слова с его удвоенным концептумом.

Образ

Начнем с концептуального анализа концепта *Образ*, ограничившись материалом, представленным в «Словаре русской ментальности» (СПб., 2014).

Слово *образ* общеславянского происхождения; в древнерусском языке «слово *образ* выражало целый ряд значений – конкретных и отвлеченных» (В.В. Виноградов): ‘внешний облик’ (1057), ‘портрет, изваяние’ (1057), ‘икона, образ’ (1096), ‘образец’ (1073), ‘прообраз, пример’ (XI в.), ‘сущность, идея’ (XI в.), ‘поэтический образ, троп’ (1073), ‘род, разновидность’ (XII в.), ‘образ действия’ (XII в.), ‘лицо, лик’ (XII в.), ‘знак, символ’ (XII в.), ‘лицо (грамматический термин)’ (XV в.) – по текстам, приведенным в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (выпуск 12, М., 1987). По-видимому, уже к XIII в., при постоянной поддержке калек с греческого языка, концепт *Образ* полностью сформировался, представая как последовательность содержательных форм: прообраз – образ – образец – символ.

Концепт *Образ*, представленный в этом слове, как всякий сложившийся в сознании концепт имеет четырехчленный состав. Все четыре содержательные формы концепта сведем воедино в общую систему «причинности», т.е. совокупности «четырех причин» Аристотеля: *основания, условия, собственно причины и конечной причины – цели*. Каждый член причинности объясняет действия соответствующей содержательной формы концепта: 1 – основания (*что это такое?*), 2 – условия (*как проявляется?*), 3 – причины (*почему действует?*), 4 – цели (*зачем создается?*). Постановка указанных вопросов определяет позицию каждого из выявленных денотатов, выстраивая их каузальную связь в виде *семантической константы* – устойчивой и постоянной структуры смыслов.

Последовательность дальнейших операций такова. Выборка текстов произведена по «Словарю русской ментальности» (для краткости опущена в изложении); на основе представленных текстов выявляются *предикаты*, которые затем редуцируются до *денотатов* с последующей редукцией денотатов до *содержательных* форм концепта и выявления *концептуума* в виде *внутренней* формы слова (= концептуума).

Исходя из текстовых предикатов формируется система наличных *денотатов*, совместно выражающих ментальное единство предметного значения слова и объема предполагаемого понятия.

1. *Основания*: иероглифы жизни, ближе к миру, чем к смыслу, самодовлеющая сущность, образ дан как идеальный первообраз, первоначала бытия, категория сознания, а не признак объекта.

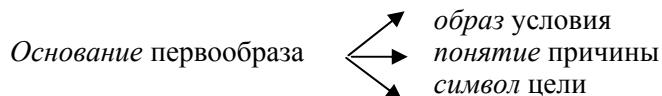
2. *Условия*: первичное созерцание, продукт воображения, продуктивная сила воображения, формируется интуицией, синкретичен, предше-

ствует ощущению, нормативен, а не природен, в нем еще жива магическая стадия.

3. *Причины*: замена бытия, материально воплощенный вид, предицируется и понимается, это удар или дар, при переходе к символу углубляется, закрывает предмет, омертвляя, является сам, его нельзя притянуть, осуществляется обмен веществ с природой.

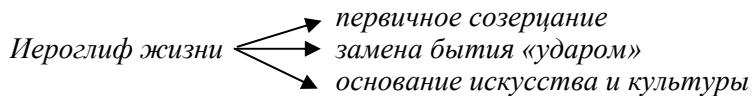
4. *Цели*: обобщение фактов, сохраняет предметный мир и украшает действительность, противопоставление своего чужому, несовпадение со своим собственным смыслом, основание искусства и факт культуры.

Теперь возможно построение *семантических констант*, под которыми понимается *постоянная* ментальная сущность, а именно *основание – смысловой концептум и зависимая от него каузальная связь условия, причины и цели действия – по следующей формуле:*

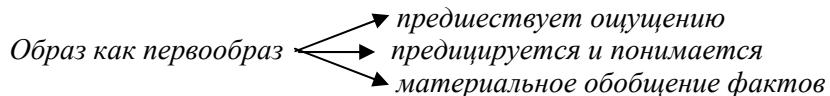
Выделенные курсивом имена указывают на содержательные формы концепта (*основание = концептум*), остальные термины указывают на состав каузального ряда.

При построении семантической константы выбор *основания* произволен, по желанию мы можем исходить из любого концептума первообраза, но связанная с ним *причинность* действия в совокупности трех (*условие – причина – цель*) обязательно определяется этим основанием и им *диктуется*. Различие может состоять лишь в выборе словесных форм, соответствующих формам основания, но в содержательном плане различия исключены, составы всегда эквивалентны (при условии, что эти формы установлены верно). Определим несколько постоянных причинных связей.

Читается: Образ – это *иероглиф жизни, первичным созерцанием заменяющий бытие «ударом»* (сознания) в целях создания искусства и фактов культуры.

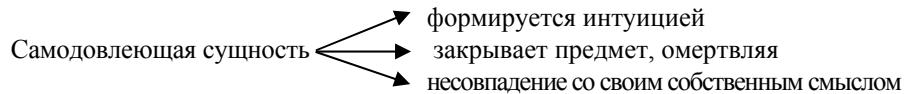
Подбор текстов, ставших основанием денотатов, не случаен, все четыре принадлежат современникам Л. Леонову – Г. Гачеву – М. Бахтину – Н. Арутюновой.

Читается: Образ – это идеальный первообраз, предшествующий ощущению, который предицируется и потому понимается как материальное обобщение фактов.

Естественно, авторы, «складывающие» такую последовательность, совершенно другие, а именно философы Серебряного века С. Булгаков – Е. Трубецкой – Г. Шпет – В. Розанов. Общий смысл передан в различных формах в соответствии с представлениями каждого времени об объекте.

Основание более философского смысла дает следующую картину:

Читается: Образ – это *самодовлеющая сущность, формируемая интуицией, которая «закрывает» предмет, омертвляя его по причине несовпадения со своим собственным смыслом*.

Авторство принадлежит Н. Арутюновой – Н. Арутюновой – М. Бахтину – С. Аверинцеву.

«Смысл» получается несколько туманный, но в общем ясный: под образом подразумевается некая замкнутая сущность, которая разрушает свой собственный смысл, «закрывая» (редуцируя) предмет, отраженный в ней.

Следующим моментом анализа должно стать соединение всех представленных типов причинности по их отдельным составам; из сопоставления видно, что внутри составов наблюдается тождественность смысла.

Основание – это основание первообраза (его заместитель) – образ как первообраз – самодовлеющая сущность – иерогlyph жизни....

В результате определяется общий инвариант текста: основание предстает как «самодовлеющая сущность первообраза», что в точности выражает смысл концептуума как *энергии исходного первосмысла*.

Точно так же строятся инварианты условия, причины и цели:

условие Образа есть первичное созерцание – (которое) предшествует ощущению – (и) формируется интуицией;

причина Образа есть замена бытия «ударом» (восприятия) – (который) предицируется и понимается – (и) закрывает предмет, омертвляя его;

цель Образа есть материальное обобщение фактов – (в) несовпадении со своим собственным смыслом – (как) основание искусства и культуры.

Перестановка денотатных составов конечного вывода не изменит, поскольку все типы высказываний собраны в соответствии с поставленными к ним вопросами.

Так в полном виде представляли себе концепт Образ в разных научных коллективах и в различные периоды времени, основываясь на *интуитивном* понимании «первосмысла», явным образом словесно не выраженного. Единственное, что мы сделали с помощью своего анализа, – разрозненные и случайные наблюдения отдельных авторов представили в *концептуально цельном виде*, в полном составе содержательных форм концепта, связанных

ных каузальной связью. Характерно употребление слова *удар* («замена бытия ударом»), которое представляет собой константу в самом определении концептума «вырезанное, выдолбленное».

Итак, в общем инварианте определения под *образом* понимается первое проявление первосмысла концептуума, который явно не выражен («туманное нечто» – Аскольдов), предшествует понятию, в соединении с которым образует символ («образное понятие»). Это точно укладывается в ментальную парадигму концепта: Образ как воплощение первообраза предшествует Понятию и совместным усилием создает Символ.

Образ и понятие

Можно подобрать множество высказываний относительно понимания концепта Образ, вот первые попавшиеся: «Образ или слово таят в себе магическую силу, позволяющую проникать в сущность вещи» (Э. Кассирер); «Изначальный образ (архетип. – *B. K.*) есть ступень, предшествующая *идее*, это почва ее зарождения» (К. Юнг). Развернуто определял суть Образа Николай Гартман: «Тем, чем понятие является в науке, – в повседневном познании является представление», т.е. образ; в образах представлена «широкайшая традиция осознанности», поскольку «познание предметов именно в том и состоит, что сознание получает о них представление». И образ, и понятие – одинаково «представления», и «только в научной рефлексии... образ обладает уже не подвижной формой представления, но принимает более твердую и логически более совершенную форму понятия». «На первый план познания выбивается» то образ, то понятие. Сознание «схватывает либо одно, либо другое»; это «формы образа предмета» в разном ракурсе. Это прямое указание *на равноправие двух содержательных форм* в высоком и низком стилях мышления. Таково германское представление о соотношении двух содержательных форм концепта, одинаково реальных (в отличие от идеальных символа и концептуума), узаконенное кантовским афоризмом: «понятия без образов слепы, образы без понятий глухи». Постоянное *перетекание* образа в понятие и наоборот представляет состояние, переходное от образного типа мышления к понятийному.

В отличие от этого в русском представлении каждый образ связан не с понятием, а с символом; *образ символичен*, поскольку он двузначен, одновременно обращен в сторону вещной действительности и реальной идеи (смысл философского реализма). В этом смысле и понятие предстает просто как символ замещения. Другими словами, русское сознание охватывает *всю* область конструктивных содержательных форм концепта, сразу и образ, и понятие, и символ, объединяя их в своего рода символическом мышлении. Отсюда огромная роль словесного знака (слова и Слова), который, будучи символом, проходит соответствующие этапы развития – от

символа уподобления (*образ*) через символ отождествления (*символ*) к символу замещения (*понятие*).

Идея прикрепляет образ к смыслу, делает его осмыслиенным. Уточним понимание «образа» и «понятия» в их содержательном смысле.

Историческая справка

Слово *образ* восходит к корню *раз-* // *rъz-* – это нечто вырезанное, т.е. *явленное*, обозначенное как представитель конкретной вещи; слово *понятие* современное значение получило только на исходе XVIII в., хотя известно с начала его в значении 'сила, способная к разумению', или 'мысль воображаемая', которой вполне могло быть и представление (образ – это *понятие о вещи*, ср. *дать понятие* – дать представление о вещи), затем – *понятие о слове* («определение вещи есть... понятие, выраженное речью»), которое благодаря своей близости к слову есть косвенное *понимание* вещи, – это символ, и только в конце XVIII в. стало *понятием об идее*, т.е. собственно понятием в современном смысле термина (как понимание идеи вещи, данное в слове).

Термин *понятие* в нашей традиции известен с 1703 г., до того слово *понятие* обозначало 'брак' (*понять* – взять замуж). На протяжении всего XVIII в. происходило переосмысление слова сначала как *представления о вещи в сознании* (Сумароков: «одними понятиями своих чувств доволен»), затем как *понимания вещи в слове познанием* (у философа Козельского в переводах: «определение (definition) вещи есть явственное и полное ее понятие»), наконец как *понятия об идее*, т.е. собственно понятия (Антиох Кантемир: «идею по-русски я бы определил понятием»; Ломоносов: «общее философское понятие о человеческом слове»). Только в «Словаре Академии Российской» в конце этого века понятие понимается как 'сила, способная к разумению', т.е. пониманию, и как 'мысль воображаемая'. В этом смысле понятие есть *понимание идеи вещи*, данное в *слова*.

Номиналист под образом понимает всякое представление вещи в ее отчужденном виде, но также вещно: в виде изображений, типов, гештальтов, даже конкретно в наборе признаков вещи. Не так понимает дело реалист. Формально лингвистически на основе семантического треугольника он показывает, что «образ» есть *отношение* слова (знака) к идеи, т.е. *воображеный* предмет на уровне *сознания*, представленный во всей полноте признаков; другими словами, это словесное значение **S** (десигнат), связывающее словесный знак с идеей. Таково психологическое представление образа. В старых русских текстах мы находим следующее определение образа: «Образъ нѣсть образа образъ, но самаго первообразнаго» – т.е.: образ первым впечатывает в реальность содержательный первосмысл *концептуума*.

Наоборот, «понятие» есть *отношение* идеи к предмету, т.е. *понятая* (схваченная мыслью, фиксированная в слове) идея – уровень *познания*, логически пополненное предметным значением значение словесное (в результате их соединения и образуется «идентифицирующее значение» – понятие), т.е. уровень, представленный в полноте своих содержаний и объемов. Это логическое снятие помысленного понятия с явленных образов, как это описал, например, Г.Г. Шпет: «Нам важно значение, смысл, а чтобы его извлечь, нужно “перевести” образы в понятия». Понятие – самая неустойчивая форма концепта, способная измениться в любой момент по всякому поводу, тот же Густав Шпет назвал понятия «балетом бескровных категорий», а Э. Кассирер определенно заявлял, что «обессиленное» понятие уже не удовлетворяет современную науку, поскольку «понятие не приносит в познание нового содержания.... Вместе с тайной номинального значения сохраняется и вся тайна “понятия”».

Понятие устанавливается на основе суждения, выраженного в грамматической форме предложения, а предложение – «образование неопределенное, неограниченно варьирующееся, это сама жизнь языка в действии» (Э. Бенвенист) – т.е. *в речи*. Контенсивная лингвистика вообще полагает, что исходным пунктом всякого анализа является не понятие в отдельном слове, а «живой акт мысли», в котором понятие – «элемент высказывания»; «понятие – потенция мысли», актуализирующаяся в речевом мышлении. При этом в переломные эпохи понятия, создавая «новые формы языкового воплощения, получают большую, чем раньше, независимость от слов» (М. Фуко). Ср. следующее суждение: «Философ... полагает, что понятие – это заместитель вещи, вместо того, чтобы видеть в нем момент эволюции мышления... Находящиеся в процессе диалектического развития понятия весьма неустойчивы и порой неопределенны. Они подобны хрупким зародышам... Мы всегда должны испытывать недоверие к понятию, которое не смогли еще диалектизировать» (Г. Башляр). Характерно упоминание «зародыша»: понятие и есть «проросший в образе» зародыш концептуума, актуально выражающий его потенциальный смысл, годный для данного момента. Американский ученый Дж. Лакофф полагает, что «мышление является воплощенным и образным... Понятийная система организована в терминах категорий... согласно способам категоризации». То есть: мышление происходит в образах (гештальтах), а понятие предстает как категория рода, основанного на видовых образах путем их категоризации, которая в свою очередь есть «продукт человеческого опыта и воображения». Всё это – *вещное* представление образов и понятий; не так понимают дело отечественные мыслители. Ср. замечание М. Мамардашвили: «Новые понятия выступают как новые конкретизации *самого нашего понимания*, а не его объекта». Объект дан в образе, в понятии он обобщается, пройдя предварительную *чистку* в горниле символа.

Пример

Известный пример из эпохи криминальных 90-х годов. В ожесточенной схватке за собственность, ранее принадлежавшую государству, новые *стяжатели* доходили до самых крайних пределов дозволенного. В речевом обиходе возникали многие выражения, метонимически обозначавшие отношение народа к этим стяжателям. *Волосатая рука, мохнатая рука, косматая рука...* Эти *образные понятия*, представленные сочетанием прилагательного (= содержание понятия) и существительным (= объем понятия), выступали в качестве *символического* обозначения личности, рвущейся к собственности (*рука* – символ власти, заимствованный еще в отдаленные времена). В конце века это *представление* как образ отстоялось в «понятии» *волосатость* (*у него такая волосатость, что...* – писали газеты). Пройдя «чистилище» символа (а образное понятие – символ, ср. нем. das Sinnbild ‘символ’, буквально ‘смысловая картина’), понятие выпало из системы образных обозначений и стало в своей законсервированной форме со свойственным в этом случае суффиксом *-ость* (крайняя предельность качества, созданная из «расплавленной формы» прилагательного). Выбор первого сочетания из трех объясняется просто: ни *мохнатый*, ни *косматый* не стали пороизводящими для понятия, для этого годился только мифологически проработанный *волосатый*: магический *волос* отдаленно сыграл свою роль в оперативном понятии «на случай».

Примечание

Особо следует сказать об *образных понятиях*, которые в средневековом ментальном пространстве были основным средством *понимания*, а в современном употреблении выступают в роли оперативных понятий, часто символического содержания. Образные понятия образуются сочетанием имени прилагательного (выражает *содержание* понятия) и имени существительного (выражает *объем* понятия), ср. *белый дом, большой дом, желтый дом, казенный дом* и прочие «дома» того же рода. Интересно, что все такие образования понимаются в социальном смысле, что как раз и свойственно новообразованиям в эпоху понятийного мышления. У первого сочетания возникает *символическое значение* ‘резиденция правительства’, у второго – ‘резиденция тайной полиции’, у третьего – ‘психлечебница’, у четвертого – ‘тюрьма’ и т.д.

Особенно сложно определять состав отвлеченных понятий, прежде всего встает вопрос о *референте R* у отвлеченного понятия. Например, каков действительный референт у концептов Правда или Справедливость? По самому распространенному суждению, референтом таких понятий является *референтная ситуация*, представленная конкретным фактом, событием или состоянием и связанная с определенным действием. По такой

логике, у одного и того же понятия может быть множество референтов, а это значит, что и тут понятие склоняется к символу (Правда и Справедливость и являются символами русского сознания). *Справедливость* предстает во множестве оттенков, зависящих от разных фактов; но таково вообще обычное соотношение между идеей и воплощенными ее манифестациями. По-видимому, в концептуальной сфере за референт можно признать скрытую совокупность всех исходных и производных концептов, совместно предстающих как *основание концептуального понятия* и представленных в ряду Причинности: *Справедливость* есть *праведность правды*, основанной на *праве*. Но такое понимание также условно, оно отсылает к столь же отвлеченным «понятиям», опять-таки сводя понятие к символу. Свое значение имеет и близкий контекст: символ проявляется в контексте, а понятие автономно и потому «беззащитно» от давления текста.

«Образы приходят к нам двумя путями – как продукты воображения и как продукты воспоминания» (Б. Рассел). Следовательно, все образы – продукт умственной деятельности, не связанный с представлением реальности. Согласно такой точке зрения, все вообще мышление не связано с действительностью и является целиком позыщенным – от образа до понятия. Как известно, американские когнитивисты особенно выделяют значение образа и – шире – *образности* (включая символ) в *действиях* концептов. Р. Лангаккер подчеркивает то обстоятельство, что языки различаются не только по своей структуре, но и по типам образности (imagery). Это понятно: визуальное постижение концепта удобнее всего, проще «увидел и описал», чем «понял и объяснил». В конце концов, практические американцы и своих «детей» (разного возраста) воспитывают «на картинках» с минимумом текста.

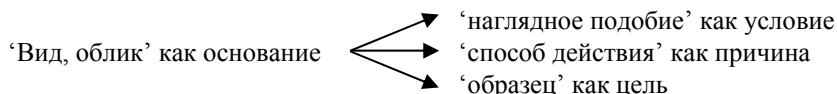
Очень точно о сущности образа высказался французский этнолог Клод Леви-Стросс (выделения в тексте мои. – В. К.): «*Образ не может быть идеей, но может играть роль знака или, точнее, сосуществовать с идеей в знаке* (т.е. в слове. – В. К.). И если *идеи пока там нет*, то он может *оберегать ее будущее место* и выявлять негативно ее контуры. Образ является *неподвижным*, однозначно связанным с сопровождающим его актом сознания. Знак и образ становятся *означающими*, хотя они *пока еще лишены содержания*, т.е. находятся вне одновременных и практически неограниченных отношений с элементами того же типа, что является привилегией *понятия* (т.е. *идеи*. – В. К.). Вместе с тем, они уже *заместимы*, иначе говоря, способны к поддержанию *последовательных во времени отношений* с другими элементами (*концепта*. – В. К.), хотя и в ограниченном количестве, и... всегда *образуют систему...* (в которой) “объем” и ”содержание” логиков существуют *не как два различных и дополнительных* аспекта, а как *литная реальность* (*понятия*. – В. К.).

Образ как основной “элемент” мифологического сознания (которое и описывает автор), замещая еще неизвестное понятие, как первая форма проявления концептуума *играет роль* понятия, а то, что образ “неподви-

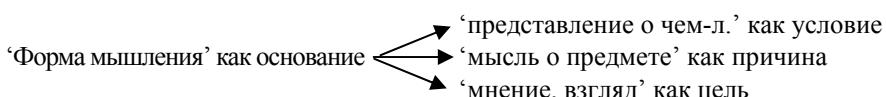
жен” и “связан” с моментом действия, объясняет вообще всю структуру мифологического мышления».

«Современная наука не вернулась к идеям Платона... но она вернулась к характерному и для Платона, и для всей греческой мысли, и для Возрождения *синтезу образа и идеи*, к образности мышления и к интеллектуальной глубине образа» (Б.Г. Кузнецов), что мы и видим в развитии представлений о роли метафоры и иронии как заключительных этапов в развертывании подобной образности. Необходимо только помнить, что у Платона *одно и то же слово* *ιδέα* означает и идею, и образ, так что трудно их разграничить в текстах. «Именно образы, а не суждения, именно метафоры, а не утверждения, определяют большую часть наших философских убеждений», – подтверждает Р. Рорти. Отсюда его собственное восприятие *зрения* как основной метафоры познания, сменившей «платонистскую» *идею* простой видимости. Если покопаться в концептуальных основаниях произведенной замены, окажется, что и *идея*, и *зрение (вид)* – общего происхождения, восходят к концептуму *εἶδος*, перенесен только взгляд: от объективного *вида* к субъективному *зрению*. В переводах с английского известная формула Канта передана так: «интуиции без концепций слепы», что следует понимать иначе – «образы без понятий слепы». «Требуемыми сущностями являются как раз *концепции и интуиции*», причем «понятие концепции может, если угодно, рассматриваться как ‘источник познания необходимых истин’» (Рорти). Этот автор ставит знак равенства между концепцией и аналитической истиной, между интуицией и синтетической истиной. Ср.: «хотя понятие без восприятия просто *пусто*, восприятие без понятия *слепо* – оно совершенно не поддается применению» (Н. Гудмен), где представление – это образ.

Сравнение древнерусского и современного русского литературных языков показывает, что состав значений у слова *образ* фактически не изменился: в древнерусском это ‘вид, очертание’ – ‘подобие (чего-л. чему-л.)’ – ‘форма воплощения, способ действия’ – ‘образец, прообраз, тип’; в современном языке это ‘вид, облик’ – ‘наглядное изображение’ – ‘порядок, способ’ – ‘образец’. На этом основании формула концепта Образ предстает в следующем виде.

Слово *понятие* в ментальном смысле предстает в следующих значениях: ‘форма мышления’ – ‘мысль о предмете’ – ‘представление о чем-л.’ – ‘взгляд на что-л., мнение о чем-л.’ со следующей формулой концепта.

В самом общем виде понятие есть актуализированный в реальности концептум, как он понимается в текущий момент, и, видимо, об этом цвейсто говорит Поль Рикёр: «Понятие образуется в эмпирической реальности, двигаясь от побега к своему бессознательному основанию». Понятие есть форма определенности мысли. Э. Кассирер полагал: «Приобретая чистую форму своего бытия – понятие, – дух завершает свое формирование в абсолютном знании. ... Понятие есть не только средство *изображения* конкретной жизни духа... Ведь *первичная* задача образования понятий состоит не в том, чтобы придать представлению более *общий* характер... а чтобы вести его ко все более растущей *определенности*. Если уж от понятия требуется “общий” характер, то ведь он не самоцель, а лишь средство, помогающее достичь подлинной цели понятия – определенности... Путь, каким движется язык, есть путь к определенности».

Наоборот, мир животного «беспонятен», потому что там нет слова, чтобы в потоке постоянно возникающих в сознании вещей, событий и фактов выявить сходное и обозначить его знаком. В этом и состоит единство *речемысли* – мысль без знака никак не реализуется.

Историческая справка

В своем трехтомном сочинении Э. Кассирер рассмотрел «миры» языка (образ) и внешнего мира (символ), столкновение которых и стало исторически основой *понятий* о мире (в мысли) – в момент, «когда на первый план выходит проблема Истины», т.е. разграничения того, что может быть истинным, а что ложным. В этом состоит основной интерес как средневековых схоластов, так и современных номиналистов. Кристаллизация понятия проходит свои этапы, которые осуществляются в состоянии «имманентной (внутренней) диалектики противоречий» вещи и ее свойств (в образе), души и тела, сакрального и профанного (в символе). В отличие от конкретного (*вещь*) общее и особенное (*знак* и *идея*) «разделяются не по своему бытию, но по своему смыслу». Онтологическая проекция сменяется гносеологической.

Глубокая мысль Кассирера о том, что *язык через слово направляет мысль* на все большее отчуждение от языка, подводит его к идее *относительности* понятия, возникающего из столкновения *созерцания* в образе и *представления* в символе. Именно в понятии мысль, явленная в языке, «освобождается от потенциарности и переходит в совершенную актуальность» в виде «научного понятия» (а не просто понимания-схватывания), но при этом «как и прежде сохраняет тайную связь с языком». Потому что только язык сохраняет отсылку ко всеобщему и особенному, тогда как «понятие как чистая структура отношений» всего лишь фиксирует момент схватывания мыслью своего *содержания* в присущих ему *объемах*. Только «в области языка мы входим в подлинно понятийное мышление», обусловленное движением действительности образа и реальности символа

навстречу друг другу, с образованием «мгновенной их связи» во взаимном отношении – в *понятии* как содержательной форме концепта. Только тогда «знак освобождается от сферы вещей, чтобы стать чистым знаком отношения и порядка», переходя в научное понятие («квалифицирующее») и создавая термин, которому «нужны прочность и однозначность». В отличие от образа и символа «понятие функционирует в рамках закрытой системы», т.е., по-видимому, в сжатом пространстве между чувственным образом и культурным символом. Близость понятия к концепту (к Логосу) – именно в его универсальности и «всечеловечности», и «в этой всеобщности снимаются не только индивидуальные (т.е. образы), но и национальные (т.е. символы) различия». Таким образом, мир единит холодная одномерная мысль, освобожденная от вериг языка, хотя языковые формы ее воплощения по-прежнему сохраняют тепло человеческого чувства в образе и старой традиции в символе. Потому что «понятие как таковое, кажется, теперь уже не способно своими силами прорваться к действительности; оно вращается в кругу собственных порождений и образований», а этого недостаточно для продвижения вперед.

Но образ не есть предмет познания... оставаясь образованием сознания... Это *содержание сознания* (Н. Гартман). В этом суждении содержательные формы концепта разведены по составам мышления: образ в сознании, понятие в познании, символ в знании.

О соотношении образа и понятия писал А.А. Потебня со своей психологической позиции: «Чувство есть всегда оценка наличного содержания нашей души и всегда ново... Чувственный образ – исходная форма мысли... Апперцепция (зависимость восприятия от опыта. – В. К.) есть участие известных масс *представлений* в образовании новых мыслей (т.е. понятий. – В. К.)... сильнейших представлений... они организованы... на основе *ассоциаций* и *слияний*... tertium comparationis и есть средство апперцепции... он же есть *признак*, по которому в слове обозначает вновь познаваемое, и называется представлением... (без оформления в звучании) мысль не может достигнуть ясности, представление (чувственный образ) не может стать понятием (необходимо и слово)... Мысль наша по содержанию есть или образ, или понятие; третьего, среднего между тем и другим, нет... (символ у Потебни – нечто иное). Если образ есть акт *сознания*, то представление его есть *познание* этого сознания».

Но «психологическое единство человечества» справедливо видят в *понятийном* компоненте концепта; психическое представлено в логическом.

Понятие и образ

Представление о понятиях, дающих якобы наиболее точное знание, постоянно оспаривается. М. Хайдеггер предупреждал против «забывания бытия» в результате растворения реальности в абстрактных понятиях, а

Л. Витгенштейн вообще полагал, что всякая «метафизика – блажь языка». Дело в том, что человеку *важна не истинность, а подлинность*, которая предстает в образах и отражает реальность *непосредственно*. В противоположность американским номиналистам, в качестве значения признающим только предметное значение (денотат), французский философ полагает, что «язык основан на денотации не больше, чем на сигнификации». Это прямое указание на концептуализм, для которого денотат и десигнат одинаково важны как моменты, образующие понятие.

Напомню, «образы приходят к нам двумя путями – как продукты воображения и как продукты воспоминания» – о личном опыте наблюдения речи нет. Между тем именно это последнее существенно для русской ментальности. Русская философия использует образы и символы по преимуществу. Даже «философия оперирует не “чистыми понятиями”, а языковыми конструкциями, которые “бытийствуют” по своим собственным законам и весьма неоднозначно соотносятся с текущим потоком реальности». По мнению таких философов, существует только мир смыслов, лишь отчасти выражаемых понятиями.

Для психолога загадка, «почему именно образование *понятий* выступает в качестве предпосылки высшей формы интеллектуальной деятельности, характеризующейся максимальными разрешающими возможностями» (М. Холодная). Ответ дается тут же: потому что «образование понятий – это процесс развития значений слов, в ходе которого происходит изменение структуры обобщения». «Образование понятий – это длительный процесс. И хотя отдельные элементы этого процесса можно зафиксировать на самых ранних стадиях онтогенеза... тем не менее... собственно понятия появляются только в переходном (подростковом) возрасте примерно с 11–12 лет... Мышление в понятиях обеспечивает возможность нового типа понимания объективного мира... создается его системный характер», что понятно, ибо именно *словам* учат в средней школе.

Распространяя свои суждения на область этики, Кант говорил о трех проявлениях основного принципа критической этики – *категорического императива*. «Императив называется гипотетическим, если он указывает, каким средством надлежит пользоваться или какое желать, чтобы осуществилось предполагаемое как *цель* (это символ. – B. K.); он называется категорическим, если выступает как обязательное требование, которое не заимствует свое значение из значения другой цели, а обладает ею в себе самом, в установлении последней, посредством себя определенной ценности» – это понятие. Практический императив – это образ: «поступай так, чтобы ты всегда относился к другому как к цели, а не как к средству».

И. Кант выразил необходимую связь «образ – понятие», современные психологи показывают зависимость понятийного мышления от образного на примере И.М. Сеченова и А. Эйнштейна, которые «мыслили ощущениями». Не чужды этого понимания и западные философы: «Я составляю, переделываю и разрушаю свои понятия, исходя из подвижного

горизонта» образов (Ж. Делёз). Психолог М.А. Холодная обобщает: «Судя по всему, чувственно-сенсорные впечатления, актуализирующиеся в психическом пространстве понятийной мысли, выступают в качестве интеграторов двигательного, сенсорного и эмоционального опыта субъекта на понятийном уровне. Понятийная психическая структура, таким образом, и в условиях зрелого интеллекта не функционирует как чисто рациональное, внеопытное образование... и понятийное мышление ориентировано на воспроизведение в познавательном образе предметной реальности».

Переведя с научного на русский язык это определение, получим тот же результат: понятие опирается на образ как на *условие* своего существования. Ничего нового нет и в суждениях об образовании понятий. Схема образования понятий у психологов представлена на основе скрытого в подсознании семантического треугольника с углами «знак», «объект» и «понятие» (М. Холодная). Процесс образования понятий описан как «*фазы*» совместного движения от знака и объекта к понятию через зону «предников» – трех типов переработки информации (словесно-речевое определение, визуальная схема и чувственные впечатления). Это логическая проекция «восходит» к понятию по обеим линиям, создающим как объем (*объект-понятие*), так и содержание (*знак-понятие*) понятия.

Образ преобразуется в соответствии с наличным требованием, составляя оттенки и степени, тогда как понятие дает *понимание* в целом – все зависит от точки зрения, с которой подходят к интерпретации явления. Например, цилиндр образно воспринимается как круг (вид сверху) или как прямоугольник (вид сбоку), и только наклонная фигура дает понятие о том, что перед нами именно цилиндр. Связь образа с понятием охватывает все формы бытия, начиная со звукового состава языка: звуки речи – образы смысла, фонемы языка – их понятия.

Примеры

Э. Кассирер показал неразрывность субъективного (образа) и объективного (понятия) – («отчасти чувственное, отчасти духовное») во всех сферах бытия, *внутреннюю «встроенность» человеческого сознания в бытие*, неразрывность сознания и бытия как единого. Он показывает это именно на фактах языка. Например, двойственное число «по своему происхождению является, с одной стороны, объективным, с другой – субъективным», объективно как «выражение чистого предметного созерцания» (пары реальны), субъективно в выражении личного восприятия, причем при утрате двойственного числа «новая точка зрения устанавливается в сфере личного гораздо медленнее, чем в сфере предметности». В разных языках утрата этого грамматического числа происходила не одинаково быстро – скорее всего это случилось в тех языках, которые ориентированы на «вещность» (номиналисты), и дольше сохранялось у реалистов с их

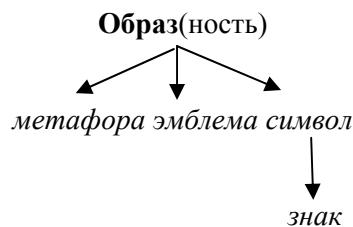
особым отношением к духовно-личному, а в этом «совершенно очевидно выражается универсальная логико-языковая связь» соответствующей ментальности. Такое же состояние Кассирер видит и в глагольных залогах, и в притяжательных местоимениях: то, чем обладают, – предметно, «однако объявление вещи собственностью придает ей самой новое свойство, перемещает ее из сферы просто природного в сферу лично-духовного наличного бытия». *Образ* вещи и *понятие* о ней соприсутствуют постоянно, выражая свои связи и в языке.

Падежи русской грамматической системы также четко делятся на двое: понятийные падежи типа именительного и винительного и наглядно-образные типа родительного и предложного. Исторически, надо полагать, структурно-понятийные образовались (или получили современное значение) позже «образных», подстраиваясь под систему падежных отношений; например, при переходе от эргативного строя к современному номинативному – в связи со сменой обратной перспективы высказывания на прямую, от говорящего. Важно подчеркнуть длительную традицию сохранения двойной системы соответствий: образного и понятийного, логического.

Существует мнение о множественности определений одного объекта в понятии. Такое мнение восходит к суждению кантианца А.И. Введенского, согласно которому «понятие – это *точка зрения* на ту или иную множественность представлений» – подчеркивается *относительность* понятия. Ю.С. Степанов считает такую позицию одной из привлекательных черт номинализма. Проблема связи с языком (со словом, понятие выражают) не ставится – из-за опасения свести обсуждение к проблеме «многоименности». Ср. приведенные автором сопоставления: концепт понимается как понятие (Черч), как смысл (Фреге), как сигнifikат, т.е. десигнат (сам автор) и т.д.

Содержательно и очень точно концепт *Образ* описала Н.Д. Арутюнова. Вот некоторые ее положения, к которым нечего добавить: «Образ – это категория сознания, а не действительности... Незащищенность образов от эмоций определяет их основную “резиденцию” в сознании... Образ формируется интуицией.... Стихийность формирования образов определяет их автономность, неподвластность человека, спонтанность их появления и исчезновения из актуального состояния сознания... Образы неистребимы.... Образ – не орудие, а самодовлеющая сущность... Образ можно увидеть только внутренним взором... Объект восприятия и его образ находятся в дополнительном распределении... Образ синтезируется, раскрывается сознанию, из смутного и неясного становится все более определенным и отчетливым, он приближается, переходя в крупный план. Этот феномен само-раскрытия образа П.А. Флоренский назвал обратной перспективой...»

Это точное описание содержательной формы концепта-слова, представленное в *образной* форме. Более того, автор справедливо возводит к образу (точнее, к *образности*) все остальные содержательные формы, именуя их в следующем виде.

Метафора – *сдвоенный* образ, символ – *стабилизированный* образ (т.е. знак), эмблема – *идентифицирующий* образ. Заменив отчасти термины, мы получим схему основоположника современной теории знака Чарльза Пирса: знак иконический (= метафора), индекс и символ. В теории содержательных форм это соответственно: метафора = образ, эмблема-индекс = понятие, символ = символ. С когнитивной точки зрения, метафора есть ментальный «переключатель» содержательных форм концепта на образ апофатическим утверждением при отрицании другого. По мнению М. Блэка, «метафора именно с о з д а е т, а не выражает сходство», образуя различия, ибо в глубинной структуре метафоры кроется отрицание. Именно поэтому новые открытия поначалу определяются метафорически. Ученые прибегают к Образу благодаря его непосредственной связи с сущностью концептуума, тем самым актуализируя его в момент открытия. Поэтому первооткрывателем незаслуженно считается тот, кто первым «возвел образ в понятие», дал определение. Многие описывали явление психологической подавленности, но «открыл» его Селье, назвав явление *стрессом*.

Примечание

Дж. Лакофф под метафорой понимает образность, о чем можно судить по определению, согласно которому высказывания и ситуации человек понимает не в прямом смысле, а *опосредованно*, небуквально, почему это и можно интерпретировать *метафорически*, т.е. в образном смысле.

Настойчивое стремление подменять всякую *образность метафорой* было замечено еще в самом начале разработки проблемы: постоянная подмена значения *образности* термином *метафора* «зашла так далеко, что мы постоянно обращаемся к метафорам, даже когда говорим о простейших пространственных ситуациях» (Б. Уорф).

Совмещенная неслиянность образа и понятия как форм познания также известна давно: «Благодаря языку мы обретаем лишь рассудочные понятия... Пусть один мыслит в образах то, что не способен мыслить абстрактно» (И.Г. Гердер). Неудивительно, что религия использует образ как основную содержательную форму; об этом говорил Л. Фейербах: «*Образность есть сущность религии*. Религия жертвует вещью ради образа».

Образ от понятия отличается тем, что он весь по своему составу есть *образное явление*, соотносится напрямую с десигнатом, тогда как «понятие может применяться ко всему, что входит в его объем», т.е. в переменный *денотат*.

Историческая справка

Русский историк П. Бицилли связал указанные особенности мышления с формами русского языка. По справедливому его мнению, свободный порядок слов усложняет логическое мышление (именно это и вызвало в XVII в. сложные синтаксические конструкции): «Логика сознания, имеющего дело с понятиями, требует иного порядка... Восприятие всего данного в условиях реальной длительности, а не абстрактного времени, мышление идеями в буквальном смысле, т.е. образами, а не понятиями, – такова сущность поэтического конкретизирующего сознания. Теперь, надеюсь, ясна связь между двумя главными особенностями русского языка: свобода в употреблении глагольных и отглагольных форм и свобода в расположении слов».

Русский язык в этом отношении может быть назван поэтическим по преимуществу, т.е. образным с обращенностью к интуиции. Необходимо, впрочем, оговориться, что в современных условиях понятийного мышления интуиция любого рода действует только на фоне понятия; об этом высказался А.Н. Уайтхед: «Всё учение материализма применимо лишь к весьма абстрактным сущностям, продуктам *логической интуиции*... Фундаментальные понятия представляют собой конкретизацию тех философских интуиций, которые образуют основу культурного мышления данной эпохи. Если отвлечься от их использования в науке, то можно констатировать, что обыденный язык редко выражает эти интуиции в точной (т.е. понятийной. – *B. K.*) форме.

«В условиях реальной длительности» и проявлялся *онтологизм* русского мышления, в XV в. вызвав развитие философского *реализма*. О понятии Петр Бицилли судил так: «Над миром живых людей и феноменов природы возвышается еще один мир – мир чистых понятий (ноосфера. – *B. K.*). Каждой категории объектов какого-либо вида соответствует особый объект – родовое понятие. Именно объект, ибо хотя мы не видим и не осозаем понятий... они обладают бытием не менее реальным, чем бытие реального мира. Первый – опытный – мир служит в своей совокупности образом, символом второго, сверхопытного, занимая по отношению к нему подчиненное положение. Каждый элемент опытного мира является символом соответствующего элемента второго – это проявление законченного реализма, объясняющего тот факт, что в русском языке все переносные значения слов носят “духовный” характер, манифестирующий явления мира (природы). При этом степень насыщенности метафорами в средневековом тексте большая, но само по себе это доказывает, может быть, только то, что язык еще не успел, так сказать, дог-

нать мышление. Весь вопрос и сводится к тому, имеем ли мы дело с *метафорами* или с подлинным и адекватным выражением мысли. Как это доказать? Известно, что в развитии человеческой речи был период, когда то, что для нас является метафорами... было когда-то самым точным воспроизведением мысли... Надо попытаться войти в круг мыслей средневекового человека, проделать вместе с ним его умственные операции».

Очень глубокая мысль, справедливость которой неоднократно доказана многими исследованиями. То, что сегодня нам *кажется* метафорой, есть прямое значение слова, т.е. *выражение концептуума только посредством образа* – в момент, когда ни символа, ни тем более понятия в общем обороте не было. К сожалению, слишком часто наши современники воспринимают все факты вне их исторической последовательности, поскольку для них *все они – одного качества и существуют совместно*. Другими словами, совершают ошибку, против которой предупреждал А.А. Потебня, заметив: «Поверхность всегда пестрит наслоениями разных стадий».

Историческая справка

Интересно припомнить кантовское толкование связи образа с понятием. Они нерасторжимо связаны друг с другом: «понятия без образа слепы, образы без понятия глухи». Образ *является* в ощущении. «Ощущения можно назвать *содержанием чувственного знания*»: *представление* – образ души. Существуют только два пути познания, через понятия или через наглядные представления, причем как те, так и другие как таковые даны или априори, или апостериори. Понятия обусловливаются функциями; дело чувств – созерцать, рассудка – мыслить. Мыслить же значит соединять образные представления в сознании.

«Способность суждения вообще есть способность мыслить особенное как подчиненное общему» (Кант), а «проблема способности суждения должна была бы совпадать с проблемой образования понятия, ибо понятие и объединяет отдельные экземпляры в стоящий над ними род... Аристотель называет Сократа первооткрывателем понятия, так как он впервые поставил под сомнение отношение особенного и общего, выражаемое понятием... “Эйдос” Сократа превратился в “идею” Платона... теперь общее выступает как прообраз всех единичных образований, а аристотелевская энтелехия означает осуществление того, что ранее Сократ искал в эйдосе, а Платон – в идее... “проблема понятия превращается в проблему цели”... это подлинно движущее начало формирующее логос» (Э. Кассирер).

Изложение Кассирером идей Канта приводит к выводу о том, что созерцание формирует образ (это *восприятие* у Канта), рассудок – понятие (*анализтика* Канта), а разум – символ (*диалектика*). «Идеи разума изображены символически... согласно целям, т.е. идеям». Кант понял современное понятие как субъективное свойство сознания, а образ – как субъек-

тивное представление, тогда как *символ* предстает субъект-объектным состоянием сознания и потому существует в *синтезе образа и понятия* (образное понятие). Каждое данное образное созерцание должно быть подведено под понятие. Сущность понятия в том, что «понятия становятся все время иными в зависимости от места, которое они занимают в продвигающемся систематическом построении целого... они развиваются и фиксируются в самом этом движении... Мы находимся здесь внутри живого процесса и постоянного движения мысли» (Э. Кассирер).

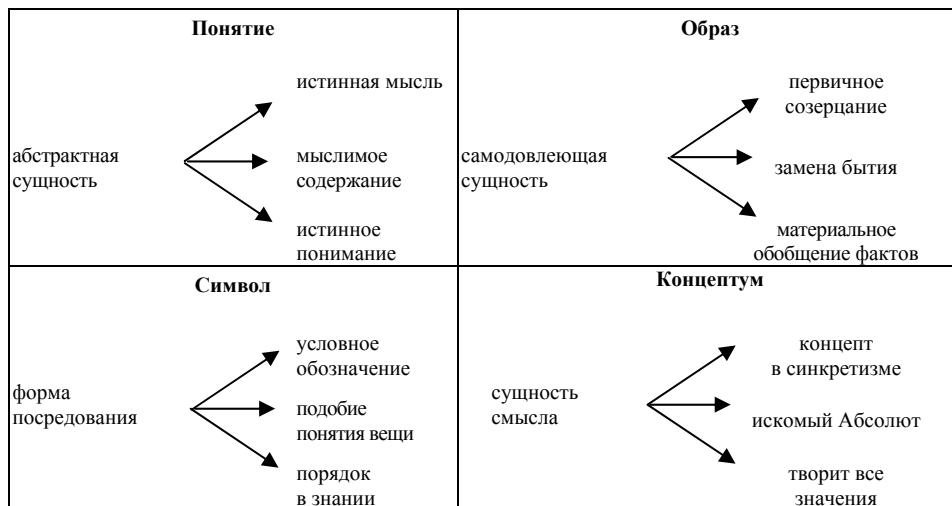
Итак, всякое познание начинается с образности, которую стилисты объявили зоной собственных интересов. Между тем *образ* является начальным моментом движения к *пониманию*, т.е. к *понятию*, представляя собой первое *видимое* проявление ментального первообраза-концептума. Без предварительного прохождения через образ понятие невозможно, как невозможен и символ, воплощенный в образном понятии. В связи с этим повышается значение просторечия и диалектов, преимущественно образных в своем проявлении. *Омертвление* народных говоров с их образно-символической потенцией является операцией, смертельной для литературного языка и национальной культуры. Именно это и происходит сегодня. В результате на смену русским речениям приходят многочисленные варваризмы чуждой ментальности, *замутняющие* речь и мысль (= речемыслъ), вплоть до утраты национальной идентичности.

Сопоставление содержательных форм концепта

Как вполне сложившийся концепт, Образ символичен, поскольку одновременно и сам является концептом, и входит в состав содержательных форм концепта Концепт. Последний представлен в виде концептуального квадрата, воплощающего ментальную парадигму сознания, и выступает в качестве идеальной схемы, в рамках которой организуется множество содержательных подобий, например Лик – Лицо – Личность – Личина; София – Вера – Надежда – Любовь; Ум – Разум – Рассудок – Мудрость; Скука – Тоска – Грусть – Печаль и многие другие, в своей совокупности организующие концептуальное поле народного сознания (ментальность).

В заключение представим содержательные формы концепта *Концепт* в их формальном соответствии, используя полученные в результате анализа инварианты семантических констант (их установление прошло те же этапы, что и в случае концепта Образ, – для краткости опущено).

Левые части схемы – понятие и символ – реальны (соотносятся с референтами), правые – идеальны (помысленны, связь с референтом отсутствует). Верхние содержательные формы концепта имеют денотаты (объемы понятия), нижние – своих денотатов не имеют.

По всем составам причинности понятие коррелирует с концептумом (является его актуальным воплощением), а образ – с символом, как реальное воплощение идеального. Все четыре состава концепта в *основании имеют* содержат *сущности*, но разного содержания: сущность смысла (*концептум*) отражена в достаточности первичного созерцания *образа* и формирует абстрактную сущность *понятия*. В границах *условий* символ реален, образ помыслен, но их содержание совпадает; цель во всех составах по определениям также общая – *видеть* или *обозначать мир*; семантический синкетизм концептума воплощается в конкретной «истинной мысли» понятия. В составе *причины* такое же соотношение: образ – замена *бытия* вещи созерцанием, символ – подобие *понятия* вещи (образное понятие). В границах *целей* такая же картина: материальное обобщение фактов в образе приводит в символе к установлению их порядка в составах знания. В целом в символе воплощено знание, в образе – сознание, в понятии – познание, а в концептуме – подсознание («бессознательное»).

Если довериться интуиции средневековых схоластов относительно «магического квадрата», то можно выстроить ряд бинарных оппозиций.

Противопоставление двух составов по вертикали создает *подчинение*: образное понятие (символ) и понятие соотносятся друг с другом, равно как и прообраз концептума соотносится с образом и в нем проявляется.

Противопоставление по горизонтали предстает прямым *противопоставлением* двух сродных составов: взаимоотношение образа и понятия описано выше, а символ есть *другое* концептума.

Противопоставление по диагонали превращается в *противоположность* понятия – концептуму (который он воплощает), а образа – символу (в котором он воплощается).

Если подумать, то тут что-то есть. Во всяком случае, ясно представлена системность структуры концептуального квадрата.

Таким образом, все частные описания авторов, данные в разное время и по различным поводам, в том числе и случайные (подсознательные) метафорические определения, вполне укладываются в реальную картину научного знания как актуального целого. Описательные определения, накапливаясь в текстах, постоянно приближают науку к абсолютному знанию, но всего лишь в затронутых описанием фрагментах, и только по этой причине носят частный характер. Это тот случай, когда установить объект целиком по его частям затруднительно, если не невозможно. В принципе, полный состав текстов определенного автора или группы авторов, близких по своим взглядам, способен представить четкую картину тех толкований описанных содержательных форм, которая отражает уровень знания, свойственного авторам текстов и характерного для их времени.

Но это уже проблема герменевтики.